

УДК 34.01

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПУБЛИЧНО-ВЛАСТАННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В XXI ВЕКЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

© 2016

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
«Теории и истории российского и зарубежного права»

Шестопап Сергей Станиславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Теории и истории российского и зарубежного права»

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток (Россия)

Аннотация. В статье анализируются современные изменения парадигмальных установок на развитие концепции прав человека и обеспечения социальной общности/сплоченности в контексте глобальных и евразийских трендов. Международно-правовая коммуникация, основанная на государственном единстве, суверенности и национальной целостности, эволюционирует в сторону адаптирующихся разнообразных структур взаимодействия, где государственная власть рассматривается в качестве одного из глобальных акторов, участвующих в политико-правовом процессе наравне с неправительственными гражданскими институтами, транснациональными субъектами, военно-политическими блоками. Методологией настоящего исследования выступает инструментально-политический реализм, предполагающий познание социокультурных факторов и этнополитических доминант необходимых не только для понимания политики и социально-политического мировоззрения, но и для прогнозирования и управления реально существующими (действующими) политическими процессами. Содержательно рассматриваются новые формы общественного единства, которые иницируют принципиально отличные механизмы защиты и обеспечения прав и свобод человека в XXI веке: формулируются либо инновационные (неолиберальные) формы, где государственной власти отводится весьма малое место (т.е. воспринимается в качестве одного из акторов, участников публично-правового взаимодействия); либо революционные формы – лишаящие государственную власть какого-либо социального значения в будущем. Отдельно авторы анализируют евразийский политико-правовой проект социальной интеграции и обеспечения прав, свобод и интересов человека.

Ключевые слова: права человека, власть, государство, консерватизм, модернизация, традиционализм, политика, постмодернизм, право, трансформация, социокультурные трансформации, консерватизм, концепции государства, социально-политическое мировоззрение.

HUMAN RIGHTS AND PUBLIC STATE AUTHORITIES IN THE XXI CENTURY: SOCIO-CULTURAL ANALYSIS

© 2016

Mamychev Alexey Yurievich, Doctor of Political Sciences, PhD. Legal Sciences,
Head of the “Theory and History of Russian and international law” Department

Shestopal Sergej Stanislavovich, Philosophy Doctor in Legal sciences, associate professor
of “Theory and History of Russian and international law”

Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok (Russia)

Abstract. The modern changes in paradigmatic settings onto the development of the concept of human rights and ensuring the social community / solidarity in the context of global and Eurasian trends are analyzed in the paper. International legal communication, based on the state unity, sovereignty and national integrity, evolves towards adapting various structures of interaction, where state power is considered as one of the global actors involved in the legal political process on an equal basis with non-governmental civil institutions, transnational actors, military -political blocs. The instrumental and political realism, assuming knowledge of socio-cultural factors and ethno-political landmarks required for not only understanding the policy and socio-political outlook, but also to anticipate and manage any real (current) political processes makes up the methodological basis of this research. The new forms of social solidarity, initiated by fundamentally different mechanisms of protection and ensuring the human rights and freedoms in the twenty-first century are studied profoundly. The innovative (neoliberal) forms, where to state power a very small place is given (ie, perceived as one of the actors, members of public law of interaction); or revolutionary forms - depriving the state power of any social value in the future have been formulated. Separately, the authors analyze the Eurasian legal political project of social integration and ensuring the human rights, freedoms and interests.

Keywords: power, state, conservatism, modernization, traditionalism, policy, postmodernism, right, transformation, Eurasian legal political project.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Начало XXI века ознаменовалось постановкой и обоснованием гипотезы о «научно-практической несостоятельности» государства как основополагающего субъекта, обеспечивающего права и свободы граждан. Можно это предположение описать шире – о закате «эпохи государственной власти» как феномена, обеспечивающего и монополизирующего социально-культурную целостность, политическое единство, материализацию и защиту прав, свобод и законных интересов (общечеловеческих и гражданских). При этом международно-правовая коммуникация, основанная на государственном единстве, суверенности и национальной целостности, эволюционирует в сторону адаптирующихся (постоянно изменяющихся и переструктурирующихся) разнообразных структур взаимодействия, где государственная власть рассматривается в качестве одного из глобальных акторов, участвующих в политико-правовом процессе наравне с неправительственными гражданскими институтами, транснациональными субъектами, военно-политическими блоками.

Сформированная благодаря римскому праву абстрактная природа философско-правового индивида, связывалась, защищалась и обеспечивалась государственной властью [1, с. 9]. В последствие эта идея достаточно ярко и преемственно развивалась в государствоведческих теориях «общественного договора», где не реальные люди (с их различными индивидуальными характеристиками), а абстрактные и упорядоченные схемы, конституировали единство политико-правовой общности (общественный договор) и реальность прав, свобод человека (естественное право). Так, Г. Радбрух отмечал, что римляне сконструировали понятие «индивид без индивидуальности, именно в Риме формируется идея «абстрактной всеобщности», которая ставит абстрактную власть государства – над конкретной индивидуальностью. Затем эту «абстрактную природу философско-правового индивида отражает общественный договор. Этот договор означает не реальное согласие реальных волю реальных людей, а согласие воображаемое» [2, с. 77].

В настоящее время, эта априорная цель государства, Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3(16)

связанная, с защитой и обеспечением прав и свобод ставится под сомнение, происходит парадигмальный сдвиг в осмыслении и понимании связи идеи государства и абстрактной природы философско-правового индивида, его прав и свобод, соответственно, факторов и механизмов их обеспечения.

В представленной статье мы проанализируем изменение парадигмальных установок на развитие концепции прав человека и обеспечения социальной общности/сплоченности в контексте глобальных и евразийских трендов.

Обзор литературы.

В современных исследованиях разрабатываются фундаментальные проекты направленные на кардинальную смену как направления развития публичной организации [3], так и форм социальной интеграции, которые не связаны с функционированием государственной власти и лишают её какого-либо значения в будущем [4]. В исследовании данного направления государству отказывают в «исторической миссии» [5], а формы социальной интеграции и политической коммуникации обосновываются в принципиально новых понятиях и категориях, не связанных с «национально-государственной методологией» [6]. Здесь индивидуальность трактуется в качестве оригинальности политических акторов [7], которая не может быть сведена к старым формам единства (национально-государственной идентичности, народу, этносу и т.п.), а коллективное – как специфическая публичная активность личности по отношению к общему благу [5; 8; 9 и др.]. В большей степени моделирование таковых новых структур публичной организации находятся на стадии теоретико-концептуального оформления и поэтапной институционализации в политической коммуникации [10].

В целом исследование публично-властной организации как фактора национального единства, обеспечивающего этнокультурную стабильность и устойчивый вектор развития в XXI веке опирается на работы ряда современных авторов [11; 12; 13 и др.], обосновывающих принципиальную взаимосвязь этнополитического, социально-правового процессов и социокультурной динамики.

Методы и материалы.

В качестве ведущего методологического принципа настоящего исследования выступает инструментально-политический реализм, предполагающий познание социокультурных факторов и этнополитических доминант необходимо не только для понимания политики и социально-политического мировоззрения, но и для прогнозирования и управления реально существующими (действующими) политическими процессами [14].

Кроме того, настоящее исследование опирается на ряд фундаментальных методологических ориентиров и положений: *во-первых*, познание индивидуальности евразийского политического пространства как сложнейшего комплекса структур и публичных институтов, а также компонентов неполитического характера, базируется на самодостаточности социально-политического евразийского мира [15]; *во-вторых*, социокультурные основы – это неотъемлемый, глубокий и устойчивый компонент евразийской политической реальности, значимый аспект ее рассмотрения и критерий оценки возможных перспектив развития [16].

Кроме того в плане анализа глобальных трендов развития исследование опирается на теоретико-методологические подходы космополитического реализма, утверждающие «смерть национально-государственной методологии» [6]. Положение последнего формирует в современном политическом мышлении парадигмальный сдвиг, который ведёт к «изъятию» у государства монополии на формирование и обеспечение социально-политического единства, а главное монополии на реальное воплощение, защиту и обеспечение прав, свобод и законных интересов человека. Здесь обосновы-

вается наступление «новой социально-политической революции», которая сметёт традиционные категории политико-правового мышления (государство, правовой порядок, политико-правовой статус человека, определяемый и гарантируемый государством и проч.) и формы общественного единства – народ, нация [5, с. 12], а затем сформирует принципиально иные формы общественной организации и идентификации, свободные от юридико-политических конструкций, навязываемых государственной властью [17, с. 34]. Именно эти *новые формы общественного единства иницируют принципиально отличные механизмы защиты и обеспечения прав и свобод человека в XXI веке*: формулируются либо инновационные (неолиберальные) формы, где государственной власти отводится весьма малое место (т.е. воспринимается в качестве одного из акторов, участников публично-правового взаимодействия); либо революционные формы – лишают государственную власть какого-либо социального значения в будущем.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Неолиберальные формы обеспечения прав и свобод человека. В данном случае речь идёт о так называемой *сервисной концепции государства* и глобальной неолиберальной конституционно-правовой интеграции. Государственная власть в данном направлении не является единственным актором в международно-правовой и политической коммуникации [18], выступает либо «на равных» с локальными или глобальными институтами гражданского общества и иными неправительственными организациями; либо вообще выполняет обслуживающую (сервисную) роль в обеспечении прав и свобод человека, реализации законных интересов, социальных запросов, потребностей и ожиданий.

При этом тотальность юридико-политической организации нации, представленная и поддерживаемая государственной властью, заменяется глобальными институтами гражданского общества, неправительственными организациями и т.д., функционирующими в свободном, мобильном режиме (т.е. постоянно изменяются и усложняются, распадаются и самоорганизуются, выходя за границы суверенных территорий), где рамки их социально-политической активности больше не связываются с государственным нормированием, а подчиняются общей (стандартизированной) «конституционно-правовой идентичности» [19].

Другими словами универсальная концепция прав человека и общие социально-правовые границы терпимости, лишённые устаревших национально-государственных и религиозно-этнических параметров, формируют новый «резервуар» политической коммуникации и «освобождают политическое взаимодействие от культурной и этнической идентичности». В целом «стратегический реванш гражданского общества» и освобождение от суверенного юридико-политического кодирования общественных процессов «не изменяет либеральным целям, но разрушает цивилизационные пути... исходя из принципов блага мирового сообщества» [19] и «возвращает человека к принципам свободного развития» [20].

Революционные формы социальной интеграции и обеспечения прав, свобод и интересов человека (неомарксизм, неоанархизм и космополитизм). В данной версии речь идёт о кардинальной смене как направления развития публичной организации, так и форм социальной интеграции, которые не связаны с функционированием государственной власти и лишают её какого-либо значения в будущем. Соответственно, если государство отказывают в «исторической миссии», то формы социальной интеграции и обеспечения прав и свобод человека обосновываются в принципиально новых понятиях и категориях, не связанных с «национально-государственной методологией» [6].

Так, в неомарксистском дискурсе в качестве новой формы социальной организации выступает «множе-

ство», которое «не противопоставляется Единству, но заново его определяет». Однако такое единство не является больше государством, а «становится скорее языком, интеллектом, общими способностями, присущими человеческому роду» [6]. При этом множество рассматривается и как новая форма философско-правового прочтения социальной организации, концепции прав и свобод человека, которая не отменяет классы, но по иному их структурирует, где обеспечивается «индивидуация универсального, родового, разделяемого». Эта новая индивидуальная практика создаёт принципиально иные формы коллективной жизни и альтернативные социальные правовые порядки, не связанные уже с государством. Здесь индивидуальность трактуется в качестве *оригинальности и личной уникальности*, которая не может быть сведена к старым формам абстрактно-правового единства (национально-государственной идентичности, народу и т.п.), а коллективное – как специфическая публичная активность личности по отношению к общему благу.

С точки зрения М. Хардта и А. Негри множество это одновременно и индивидуализация и подвижная самоорганизация в глобальное целое: «Общее является одновременно и естественным, и искусственным... Нет такой личности, которая не конструировалась бы во множестве. Нет коммуникации, которая не имела бы всеобщего характера... Активность таких личностей следует считать матрицей свободы и множественности для каждого из них. Тут демократия становится непосредственной целью, и ее нельзя, как раньше, оценивать в либеральных терминах – как предел равенства, или же в социалистических – как меру свободы. Отныне она должна стать *радикальным выражением как свободы, так и равенства – без всяких ограничений*» [9, с. 420-421].

Неоанархизм также представляет проект радикального переосмысления сущности государства, его значение и роли в будущем общественном единстве, в выражении и обеспечении прав и свобод человека. В подавляющем своём большинстве неоанархическая мысль представляет собой «теорию рассеивания государственной власти», предполагая искоренение властно-иерархических центров. Иначе говоря, обосновывается, что публичная власть должна быть «распылена» по свободным сообществам, которые не интегрируются ни в какие целостности.

Несмотря на то, что последнее утверждение более или менее свойственно классической анархической мысли, принципиальное отличие новейших теорий заключается в постулировании постоянной изменчивости, присущей динамике этим свободным локальным сообществам. Так, договорные свободные союзы довольно быстро выстраиваются по сетевому принципу, изменяются и разрушаются, образуя новые конфигурации общностей, т.е. по своей сути являются *нестабильными и непредсказуемыми*. Их развитие «идёт не в глубину или высь», они не выстраиваются во властно-иерархическую целостность и упорядоченность, а постоянно расширяются, изменяются и мутируют по горизонтали в виде ризоморфной (нелинейной), «клубневой организации» как у Делёза и Гваттари. Именно идея ризоморфности становится основополагающей формой достояния реальности прав и свобод человека в XXI веке [8].

Другими словами, «ризоморфность» – это *новый принцип неоанархической публичной организации*, выражающей реальную свободу и реальность прав человека, утверждая принципиальную веструктурность, нелинейность и горизонтальный принцип развития (расширения): «ризомы развиваются, варьируются, расширяются, захватывая, схватывается, внедряясь». Ризоморфный принцип развития предполагает постоянное «преобразовательное и субъективное измерение», противостоящее каким-либо семантическим центрам и «центрирующему единству кода», например, юридико-политический по-

рядок, поддерживаемый суверенным государством [6, с.28].

Данное обстоятельство имеет существенное значение для понимания современного неоанархического проекта «рассеивания публичной власти», поскольку сами сообщества мобильны и ризоморфны, то они не допускают (*не создают условий!*) для формирования властно-иерархических центров. Свободные сообщества постоянно изменяются, трансформируются и соответственно нелинейно развиваются публичные институты, обслуживающие эти динамичные процессы, интересы, установки и проч. Неслучайно сегодня происходит интенсивное становление теорий рискогенного и нелинейного управления общественными процессами. При этом нестабильность становится новой доминантой социально-правового и политического процессов, а рискогенность – новым направлением в модернизации политических технологий управления.

В свою очередь космополитический проект также ориентирован на качественную трансформацию публично-правовых форм социально-правовой общности и публичной организации, в контексте которых институт государства перестаёт «создавать общий порядок взаимоотношений» [6] и стимулирует принципиально новые космополитические принципы организации свободы человеческой жизнедеятельности и коллективные (сетевые) формы обеспечения прав человека.

При этом уточним, что космополитические формы аналогично обосновывают гибкость и подвижность властных структур, «сетевой методологии организации» публично-властного взаимодействия, которые должны прийти на смену «национально-суверенной методологии» познания и конструирования социальной организации: «Метаигра властей (экономических, гражданских, государственных на мировой арене – *авт.*) означает, что государство должно мыслиться, строиться и исследоваться как зависимое от разных обстоятельств и политической изменчивое» [6, с. 4]. Причём постоянно изменяющийся интернациональный порядок уже не базируется на традиционных основаниях юридико-политической целостности, поскольку в нем отрицаются «представления о естественных, замкнутых в себе целостностях, которые нельзя выбирать, которые уготованы (или не уготованы) тебе судьбой. Космополитический реализм отвергает также представление, будто укорененность в этнической или национальной целостности есть естественное и потому здоровое состояние человека в мире [6, с. 88].

В целом можно высказать гипотезу о том, что «современная увлечённость» рисками, кризисами и конфликтами, а также технологиями управления нестабильными ситуациями, трактуемые как естественное состояние развития социальных, правовых и политических систем (в противовес, например, эпизодическим, чрезвычайным ситуациям, режимам как у К. Шмита) формирует устойчивую установку на «упадок суверенных качеств государства», актуализацию альтернативных политико-правовых проектов организации и форм обеспечения прав человека. И в конечном итоге к формированию таких условий, при которых суверенное юридико-политическое кодирование порядка и стабильного воспроизводства цивилизационных сообществ будет вполне естественно трактоваться как нонсенс (т.е. как то, что не соответствует реальности, как важный, но пройденный этап социально-правовой организации, достойный памяти и важного места среди иных «музейных экспонатов»).

Евразийский политико-правовой проект: история и современность. Исторически на евразийском пространстве превалировали стереотипы социальной целостности, когнитивные установки общности, психологические предрасположенности к доминированию духовно-нравственных нормативных систем. В различных социально-культурных системах, развивающихся на евразийском Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3(16)

пространстве, права человека и свобода индивида связывались не с индивидуализацией, а с гармонизацией римской идеи «абстрактной природы философско-правового индивида» и ценностно-нормативной системой, ориентированной на общность и духовность. Здесь традиционно права и свободы имели не экономическое, юридическое, политическое измерения, а, напротив, духовное. В первых евразийских доктринах и концепциях (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев и др.) аргументировалось, что свобода и право – это категории, прежде всего, духовные, тесно связанные с общностью, социальной целостностью, нравственной системой координат. Иначе, права и свободы индивида толковались в духовных связях: с общностью (не в отстранении, а именно в связанности, «правообязанности» – понятие введённое Н.Н. Алексеевым), с землёй (например, устойчивый евразийский архетип – Матери-Земли), общиной (например, соборное мироощущение, общинное измерение ценностей), с духом предков (устойчивая установка на традиционность, авторитет старого, легитимация через преемственность) и др.

Эти факторы, с точки зрения евразийской школы (да и не только её, например, с позиции цивилизационного – О. Шпенглер, антропологического – М. Мид, Н. Рулан, традиционализма – Р. Генон, Ю. Эвола и др. подходов, а также исторической – К. фон Савенин, Г.Ф. Пухта и социологической Р. Пауд, Е. Эрлих, Ж. Гурвич школ права) в нормативно-правовой организации социального целого доминирующее значение имеют духовно-нравственные и социально-культурные регуляторы и ценности, а юридическое измерение прав и свобод играют роль вторичную, инструментальную.

Более того, такая установка характерна и многим другим теориям и концепциям. Например, В. Соловьёв обосновывал что право – это минимум нравственности, установленный государством; а права человека – это минимум нравственных и общественных императивов, обеспечиваемых государством. П.И. Новгородцев писал, что свобода и права человека, отрицающие начала общей духовно-нравственной связи, социальной солидарности и вытекающей из этого правовой организации, приводит, в конечном итоге, к самоуничтожению и разрушению основ государственно-правовой организации общества, к исчезновению общности как таковой.

Неслучайно, в евразийских и неоевразийских концепциях наличествует (осознанно – в рамках правового мышления или неосознанно – на уровне «предправовых» кодексов поведения, правокультурных архетипов) *условное* разделение на базовые (первичные) и инструментальные (вторичные) ценностные структуры. В этом аспекте базовые ценности и интересы личности (в отличие от индивида) формируются в ходе преемственной эволюции социальной общности, государственно-правовой и социокультурной организации, связаны с поддержанием единства и целостности, воспроизводства и защищённости. В свою очередь инструментальные ценности и интересы связаны с институциональным оформлением и поддержанием первичных (базовых).

Следовательно, «априорная цель всякого объединения – единство, и этот принцип не нуждается ни в конституирующем акте договора, ни в механическом и внешнем принуждении, которые могут выступать в качестве актов вторичной формализации» [1, с. 10]. Здесь, как видно, права человека и свободы, законные интересы и потребности, изначально не интерпретируются в качестве самодостаточных субстанций, поскольку они обусловлены правокультурной и этнополитической средой, аккумулируются, выражают и реализуют базовые ценности и доминанты (преемственно воспроизводимые через архетипические установки, социокультурные идеалы, устойчивые духовно-нравственные потребности и интересы личности, их групп, общества в целом).

Так, например евразиец Н.Н. Алексеев [21] полагал, что государстве и право, иные правовые феномены и Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3(16)

процессы утверждают и реализуют, прежде всего, духовно-нравственные ценности, а именно утверждают «Правду» и справедливость, как необходимый нравственный идеал и критерий оценки наличной политико-правовой реальности. С его точки зрения «истинная» духовно-нравственная свобода и права личности «есть та область духовно-нравственной жизни человека, которая имеет дело с тем, что человек “свободно может” и к чему он насильственно не принуждён»; а справедливым является то, что издаваемый нормативно-правовой акт содержит кроме юридической обязанности, также нравственное обязательство его исполнять: «является, так сказать, всенародно произнесённой клятвой». Поэтому, первичной правовой ценностью человека является, по его мысли, «первичность прав каждого и народа на определённый образ жизни» [21 с. 604].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

В современных политико-правовых реалиях евразийский проект придерживается *прагматической версии*, в контексте которой обосновывается, что все политические явления и процессы специфичны и действуют в определённом пространстве и времени. Поэтому, не существует абсолютно схожих, одинаковых закономерностей правовой и политической системы общества и направлений социокультурной трансформации. Здесь утверждается, что глобализационные и иные современные тенденции лишь качественно обогатят и усложнят как роль государственной власти, её институционально-функциональную структуру, так и формы обеспечения прав и свобод человека в контексте определённой правокультурной и этнополитической среды. В то же время «изъятие» у института государства основных функциональных обязанностей по гарантированию, обеспечению и реализации прав и свобод человека приведёт к дисфункциональности (искажению, деформации) основных правовых институтов и к нестабильности правового и политического процессов. С точки зрения прагматической установки необходима разработка правовых конструкций и политических форм, адекватно описывающих современное функционирование концепции прав и свобод человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние: монография. М. 2013.
2. Радбрухт Г. Философия права. М. 2004.
3. Baranov P.P., Ovchinnikov A.I., Mamychев A.Y. The state authority constitutional legitimacy in modern Russia // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 5 S3. P. 201-208.
4. Lyubashits V.Y., Mordovcev A.Y., Mamychев A.Y. State and algorithms of globalization // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 3 S6. P. 277-282.
5. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013.
6. Бек У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М. 2007.
7. Lyubashits V.Y., Mamychев A.Y., Mordovcev A.Y., Vronskay M.V. The social-cultural paradigm of state authority // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 3 S6. P. 301-306.
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. М. 2007.
9. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. 2006.
10. Agamirov A.R., Sarychev I.A., Mordovcev A.Y., Mamychев A.Y. (2015) Legal mindset as factor in the state in the XXI century // Mediterranean Journal of Social Sciences. Т. 6. № 36. P. 235-240.
11. Деметрадзе М.Р. Центральная зона традиционных социокультурных ценностей как информационно-коммуникативный феномен. Новые подходы к изучению традиций и традиционализма (на примере России).

М. 2012.

12. Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб. 1994.

13. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. () Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д. 2009.

14. Varanov P.P., Ovchinnikov A.I., Mamychev A.Y. (2015) The legitimacy of power and relations as a multi-level political and legal phenomenon // Mediterranean Journal of Social Sciences. Т. 6. № 5 S3. P. 209-216.

15. Ovchinnikov A., Mamychev A., Mamycheva D. (2015) Sociocultural bases of state – legal development coding // Mediterranean Journal of Social Sciences. Т. 6. № 3 S4. P. 67-74.

16. Ovchinnikov A., Mamychev A., Litvinova S.F. (2015) Extra-legal and shadow functioning of public authorities // Mediterranean Journal of Social Sciences. Т. 6. № 3. P. 387-393.

17. Шестопап С. С. Political and legal personalism and pluralism - J. Maritain's concept and treatment// Теорія і практика правознавства. Издательство: Национальный университет "Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого", Харьков – 2014. – Вып.1 (5), С.32-38.

18. Cohen S. The resilience of the state: Democracy and the challenges of globalization. L.: Rienner, 2006

19. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М. 2008.

20. Хомски Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М. 2002.

21. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М. 1998.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6